

В.В. Бобров

ТЕНДЕНЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено по проекту 14-50-000-36 РНФ.

Обозначены физико-географические особенности Западной Сибири, адаптация к которым вызвала специфику историко-культурного развития древних обществ. Также обозначено своеобразие формирования и развития археологической науки в регионе. Этот фактор привёл к значительной степени археологической изученности Западной Сибири, особенно её лесостепной зоны. Анализ результатов исследований многих специалистов позволил выявить цикличность историко-культурных процессов от раннего голоцена до скифского времени.

Ключевые слова: культура; процесс; Западная Сибирь; лесостепь; неолит; эпоха бронзы.

На физико-географической карте Евразии Западная Сибирь отличается рядом особенностей. Главной из них является крупнейшая в мире низменность, которая занимает большую часть её территории. Соответственно, этот регион характеризует равнинный рельеф. Только в центральной части низменности есть незначительные увалы моренного происхождения, а на северо-западе, ближе к склонам Уральских гор, Северо-Сосьвинская возвышенность с отметками не более 230 м. Пониженность рельефа обусловила чётко выраженное широтное расположение ландшафтных зон. Другой не менее важной особенностью Западной Сибири является ограниченность, а в некоторых районах полное отсутствие, сырья для производства орудий из камня и цветного металла. Это не могло не отразиться на историческом развитии древнего населения, по крайней мере, до освоения железа.

Если физико-географический фактор предопределил условия для существования и развития древних объединений людей, то другой обеспечил особенности познания исторического содержания этого развития, изучения историко-культурных процессов и их тенденций. С формированием западносибирской археологии, её кадрового потенциала связан этот фактор. На начальном этапе главное место в этом процессе занимал первый в азиатской части России университет в г. Томске. С ним связаны имена таких выдающихся археологов, как С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, А.В. Адрианов, исследования которых являются достоянием не только отечественной, но и мировой археологической науки.

В 1960-е гг. создание академического центра в г. Новосибирске не привело к изменению позиции Томского университета как лидера вузовской археологической науки. Не касаясь развития западносибирской археологии и её кадрового потенциала [1] – это удел историографов, – отметим, что на территории Северной Азии нет ни одного региона с таким количеством археологических групп и центров, как в пределах Западной Сибири. Академические центры – в Новоси-

бирске, Тюмени, Кемерове; классические и специализированные университеты – в Барнауле (2), Горно-Алтайске, Новосибирске (2), Томске (2), Кемерово, Абакане, Омске (2), Тюмени, Кургане, Сургуте (2), Ханты-Мансийске. Наряду с ними успешно проводят археологические исследования некоторые музеи, в частности Ямало-Ненецкого автономного округа, являющегося центром арктической археологии. Этот фактор закономерно дополняет ещё одно обстоятельство. Суть его заключается в том, что западносибирское археологическое сообщество неоднородное в теоретическом и методологическом отношениях. В период формирования местных кадров ориентация была на московский, ленинградский или новосибирский академические центры. За полвека уровень воздействия этой ориентации существенно изменился, но возникли самостоятельные научные школы, основанные на конкретных научных направлениях, например палеолитоведение, первобытное искусство, эпоха палеометалла и др.

Полевые и аналитические исследования в археологии приводят к необходимости систематизировать источники и представить их в развитии, которое выглядит в виде периодизации. Это хрестоматийное положение соответствует, как правило, первому этапу археологического изучения конкретного хронологического периода и определённого географического пространства. Достаточно привести первые периодизации на территории азиатской части России – палеометаллических культур Минусинского края, созданной С.А. Теплоуховым в 1920-х гг. [2], и эпохи неолита, так называемой в настоящее время Байкальской Сибири, которую разработал и обосновал в 1930-е гг. А.П. Окладников [3]. Эти периодизации не потеряли своего научного значения до сегодняшнего дня. Такое гигантское пространство с разнообразием ландшафтов, как Северная Азия, в совокупности с закономерностями развития профессиональных кадров обусловили неравномерность археологического изучения этой территории. Но раньше или позже – научному сообществу

были представлены схемы развития археологических культур/этапов/типов в хронологическом и пространственном измерениях конкретных регионов. Другой этап археологического познания предполагает если не бесконечное, то очень длительное изучение на основе совершенства методик, ориентированное на уточнение и дополнение периодизации, археологическое и историческое содержание эпох, выявления общих и локальных тенденций развития обществ дописьменного периода истории.

Современный уровень знаний о первобытности и Средневековье Северной Азии достаточно неплохой. Об этом свидетельствуют отдельные тома издания «Археология СССР (России)», подготовленный к изданию том «История Сибири и Дальнего Востока». Качественно новый уровень археологических знаний позволяет утверждать, что на азиатском пространстве России Западная Сибирь разительно отличается историко-археологическим содержанием, его разнообразием и динамикой процессов. Он позволяет несколько под другим ракурсом посмотреть на развитие археологических культур, отражённых в периодизациях, на процесс их взаимодействия; открывает перспективу выявления общей и локальной тенденции историко-культурного развития в широких хронологических границах и в пределах разных ландшафтных зон. В данной работе предложен опыт исследования, ориентированного на решение этой проблемы.

Памятники раннеголоценового времени в лесостепной зоне Западной Сибири недостаточно изучены. Всего в пределах этого ландшафтного пояса известно около 10 мезолитических памятников. Сухрино, Катенька, Камышное I, Черноозерье VIa, Большой Берчикуль I и др. [4–8]. Несколько лучше знания об этом периоде таёжной зоны, но преимущественно Зауралья, где известны более ста памятников эпохи мезолита, по данным Ю.Б. Серикова [9] и Е.М. Беспрозванного [10]. Картография раннеголоценовых памятников Западной Сибири, их абсолютная хронология позволяют заключить, что люди обитали только на периферии низменности, что в освоении пространства сохранялась ситуация, сложившаяся в период финального палеолита. Что же касается хронологии, то большая часть памятников относится к позднемезолитическому времени и имеет возраст не моложе 7 тыс. лет. Теоретически можно полагать, что процесс освоения западносибирской низменности имел дисперсный характер, обусловленный адаптацией к изменяющейся природной среде и её жизнеобеспечивающим ресурсам. Не случайно в археологии азиатской части России выделенные археологические культуры раннего голоцена – редкое явление. Соответственно справедливо мнение В.Ф. Старкова о существовании Урало-Западносибирской мезолитической общности в пределах обширного региона. Только на стадии позднего мезолита возникают стационарные поселения, среди которых одним из первых было исследовано Леуши IX [11].

Неолитическая эпоха демонстрирует совершенно иное состояние историко-культурного развития. На лесостепных просторах от Урала до Верхней Оби специалистами выделены 6–8 археологических культур, за которыми кроется локальная производственная традиция [8; 12–15]. Повсеместно охотники и рыболовы – хранители этих традиций – вели оседлый образ жизни, о чём свидетельствуют стационарные посёлки. Возможно, в этом, кроме распространения керамической посуды, заключался процесс неолитизации (понятие, от которого следует отказаться) на территории Западной Сибири. Археологические источники неолита, как в лесостепи, так и таёжной зоны, оставляют впечатление стабильности традиции культур, несмотря на повышенную роль обмена и взаимодействия древних популяций на его основе. При этом необходимо иметь в виду, что неолитические памятники, в отличие от раннеголоценового периода, известны практически на всей территории низменности, а систематика археологических источников позволяет рассматривать их в рамках культур. Соответственно, возникает вопрос о процессе освоения этого обширного пространства, ответ на который пока не обеспечен археологическими источниками и данными.

В период смены эпох и ранней бронзы общая историко-культурная ситуация может быть охарактеризована как относительная дестабилизация. На территории Южной Сибири в это время сформировалась и существовала самобытная традиция, получившая название афанасьевская культура [16]. Вероятно, к данному периоду относится большемысская культура, ареал которой был в пределах Барнаульско-Бийского Приобья [17]. Севернее этой территории получили распространение памятники кипринского типа или новокуского этапа [18]. Лесостепное пространство практически от Урала до Барабы заняли создатели керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией [Там же; 19]. Это явление представляется как некая общность. Идентичные орнаментальные керамические комплексы прослеживаются далеко к северо-западу от Урала вплоть до Карельского полуострова. Проблема синхронизации этих сибирских и европейских комплексов ещё далека от решения. В районах западно-сибирской лесостепи, где традиция была менее выражена, к финалу ранней бронзы формируются культуры: в Приобье, Кузнецкой котловине и восточной Барабе – крохалёвская; в западной Барабе – усть-тартасская и одиновская, ареал которой включал также Прииртышье и Приишимье. В Зауралье лесостепь была включена в сферу жизнедеятельности населения липчинской культуры. Пока гипотетически можно предположить, что в период смены эпох и ранней бронзы в некоторых районах формирование новой локальной традиционной культуры если не приобрело вид стагнации, то темпы развития не привели к завершению процесса. Таким образом, можно выделить три формы историко-культурного процесса: культура,

культуруформирование, общность орнаментальной традиции.

В аспекте устойчивости традиции сейминско-турбинская эпоха демонстрирует тенденцию историко-культурного процесса, идентичную неолитическому периоду. На всём лесостепном пространстве Западной Сибири существуют яркие самобытные культуры. Но в них присутствует хорошо известный специалистам компонент, который объединяет не только их, но и памятники Восточной и Юго-Восточной Европы. Это определённые типы кельтов, наконечников копий и ножи. Если следовать версии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых о причинах их распространения [20], то можно расценивать сейминско-турбинский феномен как проявление глобализации в древней истории. Такие культуры могла вытеснить или «поглотить» только такая культура-гигант, как андроновская, занявшая не только всю западносибирскую лесостепь, но и значительную часть казахстанских степей. Её трудно отнести к локальным по территориальному показателю и вызванным ей историческим последствиям, тем более если рассматривать эту культуру с синхронными ей срубными древностями Восточной Европы. Но эта тенденция к глобальному имела иную природу и характер в отличие от процессов в сейминско-турбинское время.

В постандроновское время тенденция историко-культурных процессов возвращается к исходному состоянию, выраженному в существовании на территории лесостепи свиты так называемых андронидных культур (черкакульская, пахомовская, еловская, корчажкинская, карасукская в северных районах ареала). Но единство суперстатного компонента позволяет рассматривать их в рамках общности. Это же состояние сохраняется в эпоху поздней бронзы. Лесостепные культуры этого времени (бархатовская, ирменская) продолжали сохранять в трансформированном виде элементы андроновской традиции. Исключение будет составлять только лугавская культура среднеенисейского региона. В подтверждение этой мысли достаточ-

но привести концепции о позднебронзовой эпохе Западной Сибири М.П. Грязнова, который выделял варианты карасукской эпохи [21], и Н.Л. Членовой, предложившей существование свиты общностей в пространстве карасукско-гальштатского мира [22].

На территории лесостепи Западной Сибири две тенденции выражены в процессе культуругенеза в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Одна автохтонная, содержащая трансформацию традиции позднебронзового периода. Наиболее наглядно она представлена в позднейирменских комплексах. Другая тенденция связана с миграцией в лесостепь таёжного населения, носителей так называемой крестово-штамповой орнаментации. Их взаимодействие привело к некоторой «нивелировке» культурного облика археологических комплексов от Урала до Кузнецкого Алатау.

Со скифским временем возрождается цикл, ориентированный к глобальной тенденции. Несмотря на своеобразие культур, в них находят распространение многие технологические приёмы, типы эффективных производственных орудий, предметов вооружения, наконец, мировоззренческих идей. В значительной степени они являлись результатом взаимозаимствования. Данную тенденцию отражают такие понятия, как «скифо-сибирский мир» и «скифо-сибирское культурно-историческое единство». С рубежа эр военный характер истории, усиленный агрессивностью кочевых раннегосударственных образований, для которых западносибирская лесостепь представляла лакомую территорию, изменил цикличность историко-культурных процессов в лесостепи Западной Сибири.

Небезынтересно то, что близкую цикличность тенденции историко-культурного развития, по крайней мере начиная с периода смены эпох, можно проследить на материалах восточноевропейской лесостепи. Археологические знания обширных регионов к востоку от р. Енисей демонстрируют иной характер и иную тенденцию историко-культурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Холмошский Ю.С. Некоторые подходы к изучению закономерностей развития археологии Северной Азии // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994. С. 18–24.
2. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1919. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
3. Окладников А.П. Археологические данные о древней истории Прибайкалья // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 244–260.
4. Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.Л. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 24–47.
5. Молодин В.И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1985. С. 3–17.
6. Бобров В.В. Стоянка каменного века на оз. Большой Берчикуль // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография: традиция и современность. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 170–176.
7. Бобров В.В. Раннеголоценовый комплекс стоянки Большой Берчикуль-1 // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 2006. С. 6–15.
8. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.
9. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 2000. 430 с.
10. Беспрозванный Е.М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997.
11. Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таёжной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 91–95.
12. Ковалёва В.Т., Зырянова С.А. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. Екатеринбург : Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.
13. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 173 с.
14. Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск : ОмГУ, 2014. 198 с.

15. Чемякин Ю.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.
16. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.
17. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : АлтГУ, 2002. 294 с.
18. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 280 с.
19. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
20. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.
21. Грязнов М.П. Древняя история племён Верхней Оби. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
22. Членова Н.Л. Хронология карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

Bobrov Vladimir V. Kemerovo State University, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia); Institute of Archaeology and Ethnology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: klac@kemsu.ru

HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES TREND IN FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA.

Keywords: culture; process; Western Siberia; forest steppe; Neolith; Bronze Age.

Physical and geographic peculiarities of Western Siberia are plain landscape (the largest lowland in the world), latitudes of landscape zones, limited amount and, in some regions, absence of stone material for tool production, absence of material for non-ferrous metal production. During the early stages of the ancient history, these conditions restrained the populating the Western Siberia territories. Mechanisms and processes of adaptation created the historical and cultural singularity of the territory of Western Siberia which individualizes it among the other regions of North Asia. Another peculiarity is associated with the development of Western Siberia archaeological science. It was based on academic centers of Moscow and Leningrad (Saint-Petersburg), and since 1960-s of the XX century, Novosibirsk as well; organization of local centers in universities and specialized higher education institutions; scientific schools. The new level of archaeological knowledge allows arguing that on Asian territory of Russia, Western Siberia stands apart in terms of historical and cultural content, its diversity and processes dynamics. On the other hand, it allows considering the archaeological cultures development, their interactions in a different way; allows finding out the general and local trends of historical and cultural development in the large chronological limits and within different landscape zones. This work deals with a research aimed to solve this issue. The cartography of the Early Holocene findings of Western Siberia, their absolute chronology allow to conclude that the populating of the Western Siberian lowland was dispersive and depended on changing natural environment and necessary resources. Neolithic Age demonstrates another state of historical and cultural development. At that time the whole territory of Western Siberia was populated, the archaeological cultures were created, the population passed to sedentary lifestyle. During the transition period between ages, historical development was quite unstable. During the Bronze Age, the situation stabilized. Anyway, Seymino-Turbino phenomena can be considered as manifestation of globalization. Andronovo culture had a globalization element as well. During the Late Bronze age was the time of cultural traditions developing from Ural to Yenisei. This changed during the transition from Bronze to Iron Age. In Scythian time the trend to global development had been revived. Thus, on the territory of forest-steppe of Western Siberia, the trend of historical and cultural processes had a cyclic nature.

REFERENCES

1. Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.S. (1994) Nekotorye podkhody k izucheniyu zakonornostey razvitiya arkheologii Severnoy Azii [Some approaches to the study of the patterns of development of archeology in North Asia]. In: Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.S. (eds) *Metodologiya i metodika arkheologicheskikh rekonstruktsiy* [Methodology and methods of archaeological reconstruction]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. pp. 18-24.
2. Teploukhov, S.A. (1919) Opyt klassifikatsii drevnikh metalicheskikh kul'tur Minusinskogo kraia [On the classification of ancient cultures in the Minusinskii Krai]. *Materialy po etnografii*. 4(2). pp. 41-62.
3. Okladnikov, A.P. (1938) Arkheologicheskie dannye o drevney istorii Pribaykal'ya [The archaeological evidence of the ancient history of the Baikal area]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 244-260
4. Gening, V.F., Petrin, V.T. & Kosinskaya, L.L. (1973) Pervye poseleniya epokhi pozdnego paleolita i mezolita v Zapadnoy Sibiri [The first settlements of the late Paleolithic and Mesolithic in Western Siberia]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24-47.
5. Molodin, V.I. (1985) Problema mezolita i neolita lesostepnoy zony Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya [The problem of Mesolithic and Neolithic steppe zone of the Ob-Irtysh interfluv]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 3-17.
6. Bobrov, V.V. (1983) Stoyanka kamennogo veka na oz. Bol'shoy Berchikul' [The Stone Age man site on the Lake Berchikul]. In: Its, R.F. (ed.) *Problemy arkheologii i etnografii. Istoricheskaya etnografiya: traditsiya i sovremennost'* [Problems of Archeology and Ethnography. Historical Ethnography: Tradition and Modernity]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 170-176.
7. Bobrov, V.V. (2006) Rannegolotsenovy kompleks stoyanki Bol'shoy Berchikul'-1 [The Early Holocene complex of the man site on the Lake Berchikul-1]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 6-15.
8. Zakh, V.A. (2009) *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Tobol-Ishim forest]. Novosibirsk: Nauka.
9. Serikov, Yu.B. (2000) *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya* [Paleolithic and Mesolithic Middle Trans-Urals]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Pedagogical University.
10. Besprozvanny, E.M. (1997) Mezolit taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri (predvaritel'nye itogi izucheniya) [The Mesolithic taiga zone of Western Siberia (the preliminary results of the study)]. In: *Ekhraneniye arkheologicheskikh issledovaniya na Srednem Urale* [The salvage archaeological research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Ekaterinburg.
11. Besprozvanny, E.M. (1985) Pervye mezoliticheskie zhilishcha v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [The first Mesolithic dwellings in the taiga zone of Western Siberia]. In: Vasilevskiy, R.S. (ed.) *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri* [Problems of the ancient cultures of Siberia]. Novosibirsk: USSR AS. pp. 91-95.
12. Kovaleva, V.T. & Zyryanova, S.A. (2010) *Neolit Srednego Zaural'ya. Boborykinskaya kul'tura* [The Neolithic Middle Trans-Urals. The Boborykino culture]. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga.
13. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya* [The Neolithic and Bronze epochs of the steppe Ob-Irtysh]. Novosibirsk: Nauka.
14. Petrov, A.I. (2014) *Epokha pozdnego neolita i ranney bronzy v Srednem Priirtysh'e* [The Late Neolithic and Early Bronze Age in the Middle Irtysh]. Omsk: Omsk State University.

15. Chemyakin, Yu.P. (2008) *Barsova Gora. Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora. Essays on archaeology of Surgut Ob Region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečati.
16. Vadetskaya, E.B., Polyakov, A.V. & Stepanova, N.F. (2014) *Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury* [The collection of the monuments of the Afanasievo culture]. Barnaul: Azbuka.
17. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [The Chalcolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
18. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka.
19. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [The Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
20. Chernykh, E.N. & Kuz'minykh, S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)* [The ancient metallurgy of Northern Eurasia (the Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka.
21. Gryaznov, M.P. (1956) *Drevnyaya istoriya plemen Verkhney Obi* [The ancient history of the Upper Ob tribes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Chlenova, N.L. (1972) *Khronologiya karasukskoy epokhi* [The chronology of the Karasuk era]. Moscow: Nauka.